

Тема России. Цикл «Родина» (1907–1916)

С. Маковский

Главной темой в творчестве Блока была тема России. Блоковская любовь к России, страх за ее будущее, надежда на преображенное «Царствие», которое возникает над «смертным ложем» кровавых, испепеляющих лет, ни в каких других строках не была им выражена строже и точнее, как в стихотворении «Рожденные в года глухие», посвященном З. Гиппиус. Напечатанное в «Аполлоне» стихотворение она считала лучшим из всего, что написал Блок о России. Невольно вспоминается то, что он почти десятью годами раньше заявил в письме к К. Станиславскому по поводу его критического отклика на драму «Песня Судьбы»:

«В таком виде стоит передо мною моя тема, тема о России... Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь... Недаром внешне неловко, внешне бессвязно произношу я имя: Россия. Ведь здесь — жизнь или смерть, счастье или гибель...».

«На поле Куликовом», «Россия» («Опять, как в годы золотые...»). Тут Блок достигает предела доступной ему преображающей силы слова, и, конечно, достаточно этих стихотворений, чтобы Россия его не забыла.

С. Зимин

Тема России в творчестве А. Блока тесно связана с темой пути, ведущего родину поэта к будущему. Историческая осознанность этой идеи выражена в стихотворении «Рожденные в года глухие...»

Стихотворение в целом говорит о трагической судьбе русских людей, современников Блока. Блок противопоставляет людей, забывших свой путь — и помнящих о нем. Антитеза, на которой построено стихотворение: Память — Забвение.

Беспамятство и беспутье в концепции стихотворения — удел людей, рожденных в «года глухие», то есть в годы застоя, реакции. Блок не боялся употреблять это обнажающее слово... Поэт и себя, и своих современников называет «детьми страшных лет России» — времени русско-японской войны и революции 1905 года.

Важный комментарий к стихотворению дает его черновик. На основании окончательного текста, без помощи черновика, можно было подумать, что «года глухие» — это «эпоха Победоносцева». Именно к такому пониманию подводили нас стихи из «Возмездия» с той же формулировкой времени:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...

Однако в третьей строфе черновика дается определение «непомнящих»:

Мы все — невольно или вольно —
Свидетели великих лет,
Мы знали голос колокольный,
Вы, вновь родившиеся, — нет.

Приведенное четверостишие показывает, что «мы» (в черновом варианте) — это старшее поколение, причастное к историческим бурям 1905 года, тогда как «вы» — младшие, «вновь родившиеся», — сформированы в годы последующей реакции.

Блок писал о поэтах нового, страшного, потерянного времени Д. Цензоре, Г. Иванове:

«Если одного бросила в мир малая революция, которая открыла какие-то источники песни и научила негромко петь без размышлений, то другой вступил в мир в годы самой темной реакции, которая петь никого не учила».

Явно выраженный историзм стихотворения помогает правильно истолковать и заключительные строки:

Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

Слова о «царствии божьем» имеют, прежде всего, земное значение. Осуществление мечты о всеобщем счастье представлялось Блоку в категориях земной, исторической жизни. Определялись и пути, ведущие к этому счастью, — личный и всенародный. Эти строки стихотворения вызывают в памяти слова Алеши Карамазова, пронизанные горячей верой в неперменное будущее счастье:

«...И будут все святы, и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных, а будут все дети божии, и наступит настоящее Царство Христово» (Ф.М. Достоевский *«Братья Карамазовы»* ч.1, кн. 1, гл. 5).

Какую бы тему творчества Блока мы ни исследовали, мы увидим, что в дни революции она обрела совершенно новый характер, ибо изменился и весь строй переживаний и воззрений поэта. Одна из его стихотворных записей, относящихся к тем дням, свидетельствует о том, какой огромный и радостный мир раскрылся перед поэтом в очистительных ливнях и грозах революции. В этих ломающихся, словно весенние льдины, радостно кричащих строках сказался наплыв новых безудержных чувств, и они пронизаны смелой верой поэта в то, что только революции суждено обновить лик земли и принести счастье всем «детям вселенной».

Л. Петрова

Стихи цикла «Родина» — едва ли не самая светлая и задушевная лирика позднего Блока. Сомнения и тревога о России, звучащие в этих стихах, сочетаются с разлитой в них горячей силой любви и веры. В цикле «Родина» образы путей, дорог выдвигаются как основные, едва ли не самые важные атрибуты России. «Мотив “пути”, — справедливо пишет Вл. Орлов, — красной нитью проходит сквозь все стихи Блока о России». И стихи Блока действительно подтверждают эту мысль:

... До боли
Нам ясен долгий путь!
(«На поле Куликовом», 1908)

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка...
(«Россия», 1908)

Чуть начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...
(«Русь, моя, жизнь моя...», 1910)

Тоска дорожная, железная...
(«На железной дороге», 1910)

Путь степной — без конца, без исхода...
(«Новая Америка», 1913)

И опять влечет неудержимо
 Вдаль из этих мест
 Путь шоссейный, пробегаю мимо,
 Мимо инока, прудов и звезд...

(«Ветер стих, и слава заревая...», 1914)

Своей собственной дорогой, на взгляд многих — окружной, но на деле органической для его поэтического склада, пришел Блок к теме России, русской истории.

Уже в первых его подступах к этой теме ощущаются и огромное волнение, и сознание неизмеримости стоящей перед ним задачи, таящихся в ней неожиданностей. Так, поэт замечает:

Как и жить и плакать без тебя!

(«Осенняя воля», 1905)

Ты и во сне необычайна.
 Твоей одежды не коснусь.
 Дремлю — и за дремотой тайна,
 И в тайне — ты почишь, Русь.

...

И сам не понял, не измерил,
 Кому я песни посвятил,
 В какого бога страстно верил,
 Какую девушку любил.

(«Русь», 1906)

О. Сазонова

«Осенняя воля» (1905), «Холодный день» (1906) — стихотворения с резко обозначенной темой России. В них Блок достигает высокого творческого подъема.

«...Писатель, верующий в свое призвание, каких бы размеров этот писатель ни был, сопоставляет себя со своей родиной, полагая, что болеет ее болезнями, страдает ее страданиями, сораспинается с нею...»

Герой стихотворений о «мещанском житье», идет «торными путями», полевым, «каменным путем», «зловонными дворами» города в «дали необъятные», в русские поля с селами и кабаками, к «проклятью и труду», к людям, «сгибающим спину» под «низким потолком», с верой, что сопровождающее его, пробуждающее совесть страдание охранит его от заблуждений — «вернет с пути окольного».

В этом стихотворении, за которым последует и огромный по своему внутреннему совершенству цикл «Родина», глубоко и властно сказались те переживания и раздумья поэта, которые придали его лирике новые и необычайно важные черты.

Все та же, прежняя, а вместе с тем и совершенно иная красота родной земли открылась поэту в самой неприметной для «иноплеменного взора» равнине, не поражающей ни яркими цветами, ни пестрыми красками, спокойной и однообразной, но неодолимо привлекательной в глазах русского человека. Как остро почувствовал это поэт и передал в своем стихотворении, не случайно написанном именно в 1905 году:

Выхожу я в путь, открытый взорам,
 Ветер гнет упругие кусты,
 Битый камень лег по косограм,
 Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
 Обнажила кладбища земли,
 Но густых рябин в проезжих селах
 Красный цвет зареет издали...

Казалось бы, все однообразно, привычно, издавна знакомо в этих «мокрых долах», но в них поэт увидел нечто новое, неожиданное и словно перекликнувшееся с тем мятежным, молодым, задорным, что он почувствовал в себе самом. В строгости и даже скудости открывшегося перед ним простора он узнал свое, родное, близкое, хватающее за сердце — и не мог не откликнуться на алеющий перед ним красный цвет рябины, зовущий куда-то и радующий новыми обещаниями, которых дотопе не слышал поэт. Вот почему он испытывает такой небывалый подъем внутренних сил, и по-новому возникла перед ним прелесть и красота полей и косогоров родной земли:

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Поэт сам еще не ведает, куда манит его этот путь, «открытый взорам», но он знает: только на этом родном пути — его счастье или погибель; здесь его братья — это и тот, кто сейчас усмехнулся ему «в окно тюрьмы», и распеваящий псалмы нищий, и тот, с кем он будет отдыхать «под крышей кабака», слушая голос «Руси пьяной» (Лермонтов) — пьяной не только от вина, но и от избытка небывалых сил, от предчувствия чудесных перемен, ожидающих ее.

Поэт чувствовал кровное родство с теми вольными людьми, которых раньше сторонился, со своим народом, своей отчизной. И уже не леса «заповеданных лилий» возникают перед ним, а совсем другие, настоящие леса, поля, косогоры. Его манит пропадаящий вдаль путь, где встретится множество русских, бесстрашных, свободолюбивых, не подвластных унынию и отчаянию людей, в чьей судьбе поэт видит и свою собственную судьбу — неприкаемую, трудную и прекрасную. Именно об этом с какой-то вдохновенной радостью, светлой грустью и необычайной широтой, словно вмещающей весь родной простор, говорит поэт в своем стихотворении «Осенняя воля»:

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки люблю...

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Это — первое стихотворение, являющееся словно бы вступлением к циклу «Родина», в котором Блок исповедуется в великой и непреходящей любви к отчизне. Отныне эта любовь становится навсегда неугасимым чувством, опаляющим сердце поэта и его творчество. Любовь неизменно примешивается к каждой мысли, к каждому переживанию лирического героя поэзии Блока. И поэт говорит, обращаясь к родине: «Как и жить и плакать без тебя!» Для него это поистине невозможно и непредставимо.

Так по-новому, в бурях и грозах революции, открылись поэту красота родной земли, мощь ее народа.

Если вдуматься в смысл и характер таких стихотворений, как «Осенняя воля», то станет ясно, как много нового увидел поэт в дни революции, как полно и многосторонне менялось в его «великое время» отношение к жизни, к людям, к родине. В его сознании все рождалось вместе и одновременно: и понимание великого значения революции, и вспыхнувшая новым светом любовь к родине, и ощущение мощи и красоты рабочего человека как выразителя народного духа, народных чаяний. Все это и открылось Блоку в дни революции 1905 года.

Н. Оскольский

Пейзаж родины в изображении Блока становится все строже, лишаясь той сказочной дымки, которой он был окутан в стихотворении «Русь» (1906):

... Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Уже в этом последнем стихотворении в одно тесное единство сплетаются Родина, бог, возлюбленная. Так, образ родины у Блока похож на реку, в которой отражаются и небо, и берега, чья вода темнеет в ненастье и яркими искрами горит в погожий день.

О. Крутов

Тема страдания Родины волновала Блока всегда. Страдания родины отражаются в ее пейзаже, а затем и в душе поэта. В 1907 году, когда, по выражению Серова, даже в отдалении «весь российский кошмар вновь был втиснут в грудь», Блок пишет в цикле стихов «Осенняя любовь»:

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

Интересно стихотворение «Россия» (1908):

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Блок описывает один из тех «стереотипных» для путника пейзажей, о которых историк В. Ключевский заметил, что «точно одно и то же место движется вместе с ним сотни верст».

В стихотворении «Осенний день» (1909) мы вновь читаем:

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Русский пейзаж воссоздан и в стихотворении «Россия»:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Великая, неодолимая мощь родной страны слышалась поэту в ее «ветровых песнях», в голосе ее народа, напоминающем о величии людей, до поры до времени забытых и униженных. Вот почему казалось поэту:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

Так писал Блок в стихотворении, вслушиваясь в эту песню, звучавшую для него надеждой и обетованием. В ней поэту приоткрывалась душа народа — непреклонная, гордая, свободолюбивая, жаждущая справедливой и лучшей доли, являющаяся ее залогом и предвестием. Только такая Россия, народ, пишет Блок К. Станиславскому, «опять научит свергнуть проклятое “татарское” иго сомнений, противоречий, отчаяния, самоубийственной тоски, “декадентской иронии”...»

Л. Моисеев

Судьба Родины волновала Блока на протяжении всего творческого пути. Особенно явной тема Родины стала в революционный период. То, что открывалось Блоку в грозах революции, «переворачивало» его душу. Теперь он в новом свете видел родину — во всей ее славе и силе, в ее суровой и бессмертной красоте, полностью и навсегда захватившей сердце поэта. Судьба родины переживалась им как его личная судьба, и чувство боли и тревоги за нее никогда не покидало Блока. Отныне его поэзия становится страстным излиянием любви к родине, жаждой увидеть ее свободной и счастливой, отвечает порыву самых пылких признаний:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Пусть она бедна, пусть горька и безотраднa любовь к ней, униженной, скованной, полоненной злыми и хищными силами. Но поэт прозревает в ней такую мощь, перед которой не устоять ее врагам и насильникам:

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

С такими раздумьями и признаниями обращался поэт к России, и поистине не жалость к родине, а совсем иные чувства испытывал он — любовь, обожание, гордость. Ту гордость за нее, которая в свое время вдохновила Гоголя на создание гимна России — неогонимой тройки, несущейся в неоглядную даль с такой безудержной силой, что «гремит и становится ветром разорванный в куски воздух». Этот образ, навсегда захвативший сердце Блока, отозвался в его лирике ответным порывом вдохновения, в котором сливались все остальные чувства, страсти, стремления, тревога о будущем и великая вера в него.

В. Жирмунский

К судьбе России Блок подходит не как мыслитель — с отвлеченной идеей, а как поэт — с интимной любовью. Россия для него — возлюбленная, и, как меняются черты возлюбленной в его поэзии — от образа Прекрасной Дамы до образа Музы последних

стихов, — так и ощущение родины находит себе выражение в меняющихся символах романтической любви. Сперва, как невеста, жена или мать, она напоминает своими просветленными чертами небесную Возлюбленную:

Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

...
Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.

В стихах «На поле Куликовом» — небесная Возлюбленная, Божья Мать охраняет спящих воинов:

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В крике лебедей.

...
И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

Но уже давно Возлюбленная — Родина приняла в поэзии Блока другие черты. Он подсмотрел в ней то буйное, хаотическое, восторженно-страстное, хмельное, что виделось ему одновременно в чертах Фаины и Кармен. Уже в стихах «На поле Куликовом» появляются эти новые мотивы:

Наш путь — степной, наш путь —
в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

...
И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!

...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

Не политические судьбы родной страны волнуют поэта, а религиозное спасение ее живой души — божественное призвание, предначертанный путь, победы и поражения на этом пути.

Ю. Айхенвальд

В лирике Блока постоянно слышится его обращение к России. Не только в безвоздушном пространстве фантазии, но и в определенном, русском воздухе, на просторе русских полей помещает он свою лирику. Поэт не мыслит содержание и дух своего лиризма вне глубочайшей связи с категорией России. Особый отпечаток своей души он выводит из новейшей русской истории:

Мы — дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

Эту роковую пустоту Блок стремится заполнить Россией, религией России. И в ряде стихотворений он либо изображает «полевого Христа», нашу природу, живую мифологию наших полей и болот, мир наших «тварей весенних», либо говорит о России с каким-то болезненным стоном любви и тоски. Он называет ее своей женою, своей бедной женою; он нищую страну свою и круг ее «низких нищих деревень» принимает глубоко в сердце и безумно хочет разгадать ее загадку и ее рыдание:

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

Мистичность своей «роковой, родной страны», которая «и во сне необычайна», он прозревает и в ее недавних событиях; и на них тоже распространяется та его первая и последняя любовь, то его мистическое супружество, которое называется Россия.